

А. Аристова, Адриан Веденяпин

КОЛЛЕКТИВНАЯ ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО ДЕТЕЙ (ИЗ ОПЫТА ОДНОЙ ШКОЛЫ) (1923)

*Впервые опубликовано в: Сибирский педагогический журнал.
1923. № 3. С. 89–100.*

КЛАССНЫЙ КОЛЛЕКТИВ

Наш классный коллектив к концу учебного года представлял собой нечто целостное и сознательное. Удалось достичь этого не сразу. В начале школьной работы и жизни мы исходили из следующих соображений. Коллектив воспитывает детей. Без классного коллектива невозможно установить порядка в школе, необходимого для производительных и целесообразных занятий, нельзя установить такой дисциплины, которая является в результате добровольного и вполне сознательного подчинения самого ребенка интересам коллектива детей, определенному порядку, который в конечном счете нужен и каждому отдельному индивиду.

Дисциплину и порядок, конечно, можно установить, предъявляя ребенку категорическое требование беспрекословного подчинения воле воспитателя, но установленные таким способом порядок и дисциплина будут искусственными, непрочными. Достаточно будет воспитателю «опустить вожжи», или остаться детям без воспитателя, этой внешней сдерживающей и управляющей детьми силы, порядок и дисциплина исчезнут.

Опыт организации коллектива, проделанный мною в другой школе, дал мне возможность учесть свои промахи, ошибки. Ребята собрались, как говорят «с бору да с сосенки», т. е. не только с разной подготовкой (школьной, частной, домашней), но и неодинаковые по своему социальному положению.

Это должно было затруднить работу. Но именно эта трудность меня лично особенно и прельщала. Я думала, ведь, приходят же дети в школу не знающие читать, писать, считать, и мы, педагоги, находим это вполне естественным и обучаем грамоте, так

и тут, думалось мне, дети приходят в школу без умения и навыков к самоорганизации, недисциплинированные, испорченные влиянием семьи, пропитанные собственническими инстинктами, анархически настроенные.

Задача школы воспитать в них социальные навыки, обучить самоорганизоваться, дисциплинироваться, и эту задачу я считала даже более важной, чем сообщение детям знаний.

Первые дни мы как бы присматривались друг к другу. Мы все были чужие, незнакомые. Организация нормальных учебных занятий с первого же дня ускорила это взаимное ознакомление. Я увидела сразу отрицательные привычки в поведении детей, которые надо было искоренить. Они заключались в том, что каждый из детей стремился мне показать, что он знает больше, чем все сидящие в классе. Это вызывало у детей завистливое и недоброе отношение друг к другу и в особенности к тем, которые действительно больше «знали». Я начала привлекать этих более «знающих» детей, как более сильных, помогать слабым, указывая на необходимость всем быть одинаковыми в знаниях, без чего трудно выполнять общую одинаковую работу, без чего трудно вести общие групповые учебные занятия.

Это был первый шаг к знакомству детей друг с другом.

Работа не прошла даром: они сумели не только узнать, но и оценить друг друга.

Далее, в классе перед началом занятий случалось: то нет мела, то доска вся исписана, то парты не в порядке. Я мирилась с этим беспорядком, иногда приглашая детей только в своем присутствии прибрать, прежде чем приняться за работу. Так продолжалось недели $1\frac{1}{2}$.

Наконец группа девочек по своей инициативе заявляет мне, что «надо же установить хоть какой-нибудь порядок!». «Так не хорошо». Потребность установить порядок явилась как естественное следствие неудобств, задержек и перебоев в занятиях, надо было только удовлетворить ее.

Явились вопросы: «Как же будем дежурить: по партам или по алфавиту». Естественно вопрос обсуждаем сообща и решаем большинством. Решили по алфавиту. Надо написать список всех. Кому поручать. Называют несколько фамилий. Голосованием выбирают. Заговорили об обязанностях дежурного. Договорились. Я предложила записать только то, что нужно, для того, чтоб дети могли восстановить в своей памяти то, о чем говорили и что решили. Записали по следующей форме:

Говорили:	Решили:
Надо выбрать дежурного.	Дежурить по алфавиту.
Об обязанностях дежурного.	Приходить раньше, пригото- влять мел и т. д.

Подписал: *Беляев. Учит-ца А-а.*

Это первое наше собрание, зафиксированное понятным для детей способом. Дальше явилась потребность выбрать лицо, которое ведало бы выдачей ручек, карандашей, тетрадей и т. д. Пришлось опять намекнуть детям, что будет удобнее, если все это пройдет через самих детей. Из хода занятий и из бесед стало ясно всем, что часть книг не будет выдаваться на руки, а только на уроках; дежурному неудобно брать их на свою ответственность, так как он — лицо переменное. Кому-то надо следить и отвечать за них. Надо следить за аккуратным выполнением дежурства и т. д.; надо поднять вопрос об опаздывании. Потребовалось опять устроить собрание, обсудить, решить. Решили выбрать старосту и не опаздывать.

Считаю нужным отметить, что этим постановлением был почти совершенно разрешен вопрос об опаздывании. Он был поднят только один раз уже после Рождества, в связи с почти ежедневным опаздыванием и пропусками занятий одной девочки. В этот второй раз дети выносят уже такое постановление: «Не опаздывать. Опоздавший на пол-урока не входит в класс до его конца». «О пропусках» — «не пропускать рабочих дней без уважительных причин». Формулировка этого постановления принадлежала мне, но сущность его была детьми вполне усвоена, осознана, доказательством этого является то, что установленный порядок строго соблюдался.

На старосту выпала целая куча дел. Он ведал выдачей канцелярских принадлежностей, у него находились иногда и ключи от класса.

Мне, некоторыми посещавшими нашу школу, задавались вопросы: «Как относятся остальные к старосте? Ведь бывает же неуважительное, недоброжелательное, как бы ироническое отношение остальных детей ко всяким выборным?» Я должна ответить на это, что группа относилась к старосте хорошо. В самом начале были приняты меры к тому, чтобы она не замечала его старшинства, а шла к нему просто, как к товарищу, у которого можно все получить. В самом начале пришлось обращать внимание на то, чтобы выборные не играли роль начальников. Детский коллек-

тив строился на доверии к детям. В частности, староста не был «приказчиком» воспитателя, сторожем, охраняющим чужое добро, который не решится выдать тот или другой предмет, не проверив, действительно ли есть нужда. Он — лицо, в ведении которого находится коллективное имущество. Оно выдано для всех. Все знают, что не будет этого имущества, будет оно растащено зря и все дети будут испытывать лишение. Об этом, конечно, также пришлось вести беседы, пользуясь каждым наглядным поводом. Была установлена форма обращения и порядок выдачи: «Володя, дай мне перышко». — «Сейчас». И перо выдается. «Володя, карандаш весь исписался». — «На, новый» и т. д.

Тетради проходили через мой контроль, и это делалось для того, чтоб старые тетради не уничтожались, а, проходя через мои руки, попадали в архив. Поэтому, прежде чем просить новую тетрадь, дети шли со старой тетрадью ко мне и, получив разрешительную надпись — «выдать», — к старосте. Старыми тетрадями, как и другими продуктами детского творчества, мы пользовались как материалом, по которому можно проследить индивидуальное развитие детей.

В связи с этим, уместно сказать о карикатуре на старосту, помещенную в издаваемом школой журнале «Детская мысль». Он изображен с ключами, чернильницами, циркулями, линейками и т. д. Но в этой карикатуре не было злой насмешки, стремления уязвить, это была шутка и староста на нее не обиделся.

Староста у нас был не безответственным. Получая все от заведующего школой по счету, он вел точную запись всего выданного. При сложении с него полномочий, все передавал вновь выбранному старосте. Он же вел регистрацию отсутствующих и опаздывающих.

Установление дисциплины также исходило от детей. Было три случая нарушения дисциплины мальчиками. Об этом поднимался вопрос на собрании, и коллектив заставлял их поддерживать дисциплину, вынося постановления, в одном случае, «просить ученика N так не делать» и в другом, «если в следующий раз поступит так же, поступить иначе». Третий случай с нарушением дисциплины несколько отличался от этих двух, он связан с уроками немецкого языка. Немецкий не пользовался любовью ребят и немку они, как говорят, «изводили» плохим поведением. О таком поведении знала и я, но не принимала никаких мер, думая, что здесь все будет бесполезно. Каково же было мое удивление, когда на одном из собраний они поднимают вопрос о поведении на немецком языке. Обсудив этот вопрос, заявив при этом, что заниматься так невоз-

можно, они выносят постановление: «не шалить на ур. немецкого языка, не перебегать с места на место» и т. д. Корнем же зла они считают одного из мальчиков, о котором упоминают, что и он пусть подчиняется этому постановлению. Уроки немецкого языка с этого момента становятся иными.

Считаю, что этот случай достаточно ярко характеризует сознательное отношение ребят к вопросам организации школьной жизни, учебных занятий.

Они, в конце концов, сознают необходимость порядка в группе, необходимость дисциплины и воздействия коллективом на лиц, нарушающих установленный порядок и дисциплину.

Был еще интересный случай. Двум девочкам не хватило бесплатных билетов на оперу, ребята категорически заявили: «Или все пойдем, или никто» и собрали девочкам денег на билеты.

На собраниях коллектива обсуждались и организационные вопросы. Первым был вопрос об издании журнала и, как следствие этого, организовалась редакционная комиссия и подсобный орган в виде переписчиков.

Хроника 1-го номера журнала привела к мысли писать в этом же духе дневник класса. Начатый неуверенно, как дело новое и для меня, и для ребят, он под конец стал принимать более интересную и содержательную форму.

Оглядываясь на весь путь, пройденный в течение года по пути коллективного строительства порядка и дисциплины в школе, приходится отметить, что организация этого порядка и дисциплины через детей и при помощи самих детей требует от воспитателя более напряженной и внимательной работы, чем тот способ, когда воспитатель чувствует себя в школе диктатором и просто приказывает детям вести себя так, а не иначе.

При системе групповых занятий, при тех требованиях, которые предъявляются современной школе родителями и государством к школе (необходимость пройти определенную программу) нельзя детей предоставлять самим себе, нельзя всегда дожидаться того момента, когда дети сами додумаются до того или другого и объективным ходом вещей будут поставлены в необходимость самоорганизоваться. Сознательное, с определенной целью воздействия на детей, вмешательство педагога в жизнь детей, в процесс их самоорганизации, необходимо.

Не экономно и не педагогично в деле воспитания руководствоваться принципом: «анархия — мать порядка». Это может дорого обойтись и детям, и государству, руководство этим принципом

не всегда приводит к желанным результатам. Ребенку, как существу, имеющему меньший опыт, чем взрослый, свойственно чаще ошибаться с печальными для него последствиями, многое не замечать, не уметь пользоваться чужим опытом, поэтому, мне думается, воспитатель не может и не должен быть только наблюдателем детской жизни. Его задача более сложная — воздействовать на детей так, чтоб у них создавалось представление, что на них не воздействуют, что они делают все сами по своей доброй воле.

Эта задача сложная, разрешить ее полностью не удалось. Индивидуальность ребенка в известных случаях до некоторой степени подавлялась. Случалось, ребят приходилось «вести на вожжах», одних сдерживать, других подтягивать, руководить ими, в особенности, в начале пребывания их в школе. Но на более смелый опыт я не решалась. Я боялась не пройти «программу», которая требовала «тащить» ребят по «курсу». Но все-таки, подавляя индивидуальность отдельного ребенка, вернее, проявления его еще неорганизованной воли, я это делала только в интересах коллектива и через коллектив детей.

Мне возразят, но чем же «диктатор-коллектив» лучше диктатора-воспитателя? На это отвечу кратко: в первом случае мы воспитываем человека, сознательно подчиняющегося воле большинства общества, частью которого он сам является, во втором случае — можно воспитать только безвольного послушного раба. Второй год опыта посредством детского коллектива установить в классе порядок и дисциплинировать детей еще более убедил меня в том, что это вполне возможно и дает несомненные положительные результаты.

«НАШ ДНЕВНИК»

«Наш дневник» по содержанию и форме — результат коллективной жизни группы. Своим содержанием он представляет запись событий и фактов повседневной жизни группы, почему-либо оставивших на себе внимание детей. В нем дети отмечают: какие велись в известный день занятия, куда ходили на экскурсию, что там видели; отмечают свои переживания под впечатлением виденного и т. д. Приведем характерные выдержки из этого дневника.

3-го марта. Записано: «Писали сочинение про оперу. Половине учеников хотелось устроить собрание, а половине идти к художнику заниматься. Собрание отложили до понедельника, а пошли лепить. Гибсон вылепил сборщика с кружкой».

31-го марта. «Мы ходили на экскурсию в депо. Мы смотрели механизм паровоза. Всем нам очень понравилось, но зато все мы испачкались. Нас поразила машина, которая раздувает горны. Мы очень заинтересовались паровым молотом. Смотрели машинное отделение, которое приводит в движение все машины токарного цеха. Придя в школу, мы рисовали об этой экскурсии. Вот несколько рисунков».

Несколько рисунков вклеены в дневник. Фиксируя какой-либо факт или отдельный момент своих занятий, группа нередко дает ему коллективную оценку, выражает к нему свое отношение.

«Был час истории. Всех поразили отношения московских князей с татарами. Нехорошо поступали они».

«По истории нам рассказывали про Ивана Грозного. Какой он был зверь».

Нередко дети бывают неудовлетворены занятиями. Они совершенно свободно записывают об этом в своем дневнике.

«Мы были очень недовольны тем, что художник занимался менее обыкновенного и заставил рисовать одну классную доску».

С особым интересом и мельчайшими подробностями они отмечают события, происшествия из своей классной жизни. Не имея сами по себе существенного значения, эти заметки проливают свет на психологию детей, их развитие, интересы, склонности и их нравственную физиономию.

«Мы выпустили сегодня мышку, она неуклюже бежала потихоньку и забила в норку около школы. Хоть мышка и не любимое человеком животное, но мы пожалели его и выпустили на волю».

«Сегодня Маргарита класс угощала шоколадом».

«Зоя сегодня осталась голодная, потому что у ней украли завтрак из кармана».

«Беясь полез за парту за мелом, чтобы вымазать Володе брюки и заставил того тоже лезть, они начали возиться и разбили чернильницу».

«В школе читали лесную сказку, одна Маруся не хотела слушать сказку, найдя более интересной свою книжку. Ее попросили выйти из класса и заняться отдельно чтением. Минка (собачка) мешала нам слушать: она нас отвлекала от интересной сказки, бегая по классу с мокрой тряпкой. В это время отворилась дверь и в ней показалась немка. Минка с громким лаем бросилась на нее. Она сильно испугалась, захлопнула дверь и больше не решалась войти в класс. Пришлось Минку держать».

«А. Ив. немке прислал на щепочке надпись: „урок закончен“».

Дневник выявляет громадную детскую наблюдательность. Они очень верно подмечают в старших настроения, смешные стороны и с тонким юмором обозначают в дневнике.

«Сегодня немка была в плохом настроении, потому что Танечка не выучила урока, сидела поэтому очень спокойно, и Володя срисовал ее. Вот ее портрет» (в дн. рисунок). Немка навела свою строгость. Вележев баловался, она его посадила к столу на стул. Она сказала: «Комман зи хир унд зещен зи зих».

«К нам в коридор повесили плакаты. В-ву почему-то не понравилась и он их сорвал. А. П. кто-то об этом сказал и она, придя в класс хорошо пробрала его, и очень была сердита. Всех, которых раньше называла по имени, теперь назвала по фамилии, а В-а совсем не вызывала к доске».

«Поезда еще не было, но все было готово к встрече Луначарского, тут было начальство Сибано, Сибревкома и др. Готов был и фотограф со своим аппаратом. Все начальство важно гуляло по платформе и часто поглядывало в ту сторону, откуда должен был показаться поезд, а фотограф не мог найти себе места со своим аппаратом. Мы тоже прошли по платформе и, встав к сторонке, стали ждать. Наконец, показался поезд и фотограф, наладив, наконец, свой аппарат, снял подходящий поезд. Все начальство ушло в вагон. Вагон его передвинули со второго пути на первый и все время его двигали, стараясь подвести его к автомобилю, а фотограф со своим аппаратом бегал за вагоном».

С особенным чувством ребята описывают в дневнике последние дни перед окончанием занятий.

«Сегодня мы занимались в чужом классе и были, как на квартире. Школа пустеет; парты из классов вынесены; первой и второй группы совсем нет, третья ходит не вся, только у нас все налицо. Сегодня и мы наверно, последний день сидим на партах. Заниматься негде и мы принимаем участие в подготовке к выставке».

«Пришли последний раз в школу. Еще раз побывали в нашем классе. Очень было жалко расставаться с нашей школой. Выдали нам удостоверения и все в нашей группе перешли в следующую, теперь мы уходим на целое лето. Прощай наш дневник, наш класс, наш журнал, наш переплет, вся школа и все и все!»

«Наш дневник» не только по содержанию, по языку, стилю есть результат коллективной работы, обороты речи, отдельные выражения, метки[е] словечки обдумываются целой группой. Запись ведет дежурный по классу в порядке очереди. Каждый из группы вносит пожелание что-либо записать. Группа в целом принимает

или отвергает предложение. Мысль, принятая группой, подвергается стилистической обработке. Вносятся поправки, дополнения, сокращения, замены. Наиболее точная, правильно и красиво выраженная фраза заносится безоговорочно в тетрадь.

Запись обычно производится в послеурочное время и свободные минуты. Времени на нее тратится в зависимости от имеющегося материала: иногда запись в 2–3 строки, иногда в 3 страницы. Тем не менее и на эту последнюю времени уходит максимум час. Не следует думать, что, делая запись в дневник, учащиеся потеют над каждым словом, долго спорят и чуть не голосуют. Процесс записи идет довольно быстро. Очевидным одобрением или же несогласием предложения принимаются или отклоняются. А неправильная, неточная или некрасивая формулировка, естественно, опротестовывается и заменяется другой.

Дневнику группы мы придаем весьма важное педагогическое значение. Учащиеся, фиксируя события своей жизни, привыкают анализировать их и в процессе анализа обогащаются душевным опытом. Ведь всякий раз, прежде чем предложить что-либо записать, учащийся должен вспомнить пережитое и выделить из него то, что заслуживает памяти. Впечатления от действительности, бегущие как на кинематографической ленте, в момент записи задерживаются в сознании детей. Правда, в большинстве случаев фиксируемый материал носит внешний характер (описания занятий, работ, происшествий, но временами, как видно из дневника, учащиеся проявляют склонность к причинной оценке наблюдаемого и переживаемого. А анализ, оценка — факторы весьма ценной душевной работы.

На дневнике учащиеся воспитывают свою речь. В живом и свободном обмене мнений, выступая с предложениями, формулировками, они приучают свою речь быть подвижной, гибкой. И если на ученических собраниях не всегда и не все осмеливаются выступать со своим словом, то в дневнике принимают участие без исключения все. Весьма велико его общественно-воспитательное значение. Дневник сплавляет группу духовно, соединяет ее на почве общих интересов, чувств и настроений. Он не безынтересен и для учащихся, он ценен для них, как память о прошлом.

ЖУРНАЛ «ДЕТСКАЯ МЫСЛЬ»

Коллектив 4-й группы организовал детский журнал, выпускается он один раз в месяц, в письменной форме, в одном экземпляре.

Этот журнал, в полном смысле, — создание детей. Обязан он своим появлением в школе одному из учеников 4-й группы. Принадлежа к типу весьма одаренных детей, этот мальчик, несмотря на свои 13–14 л., много видел, узнал, путешествуя с своей мамой по белу свету, живя в коммунах. Он принимал активное участие в общественной жизни детей-коммунаров: комиссиях, кружках и пр. Свои знания, умения в этой области он перенес в школу, и, в ряде других проектов, он внес мысль об издании школьного журнала. На собрании коллектива его предложение охотно было принято. Как инициатор, он избирается редактором. По его предложению выбирают из учащихся цензора и корректора для оценки и исправления работ и двух учениц для переписки статей в журнал. Но будучи идейным вдохновителем журнала, на первых порах он является почти единственным сотрудником его. Весь первый номер он заполняет своими статьями, стихотворениями, баснями, загадками. Другой ученик дает ему иллюстрации к ним. Вышедший номер прочитывается в группах и завербовывает еще несколько учеников, изъявивших желание писать в журнал. Во 2-м номере, кроме редактора, помещают статьи еще пять учеников. С тех пор число сотрудников стало увеличиваться. Вышло в течение пяти месяцев пять номеров.

Журнал «Детская мысль» дает нам типичные образчики литературного детского творчества. С этой стороны он представляет большую педагогическую ценность. Только через свободное творчество учитель узнает ученика: определит его духовное развитие, богатство его языка и творческие силы. Вместе с тем, литературное творчество даст возможность установить: 1) какие темы наиболее интересуют детей в определенном возрасте, 2) какие литературные формы являются наиболее распространенными и любимыми и 3) какова художественная одаренность детей. Все это необходимо знать педагогу, чтобы повести работу по родному языку сообразно естественному развитию детей, и чтобы тем из них, которые обладают даром творческого воображения, помочь выбраться на путь истинного творчества. Сравнительно небольшой материал журнала «Детская мысль» позволяет в этом отношении сделать кое-какие заключения. Из обзора пяти номеров журнала видно, что содержание для своих произведений дети (9–14 л.) берут преимущественно из опыта личной жизни, собственных впечатлений. Прогулки в лес за грибами, ягодами, сопутствующие происшествия, ужение рыбы, характеристика товарищей — наиболее распространенные темы. В них дети описывают реальную действительность. Художественного творчества тут еще нет. К нему большинство или мало склонно,

или же не доросло. Вот перечень тем из собственных впечатлений: «как я в первый раз видел волка», «что делается в нашем классе», «прогулка в лес за грибами», «встреча с медведем», «приключение с моим бельем», «проверка документов», «как мы с братом удили рыбу», «приезд Луначарского», «самоотвержение матроса», «моя поездка к киргизам», «как сильна вода». К произведениям из собственных впечатлений нужно отнести и юмористические характеристики своих товарищей, хотя они и написаны в стихотворной форме.

Володя ученик прилежный
Он любит рисовать
Играть, кричать, подпрыгивать
И старостой бывать.

Но из общего числа всех детей, принимающих участие в журнале, выделяются отдельные личности с вполне определенными наклонностями к художественному творчеству. В этом меньшинстве — и мальчики, и девочки. Девочки более склонны к лирике. Они пишут преимущественно стихотворения. Темы следующие:

«Весна», «Осень», «Летом», «Горе забытой птички», «Большая Лиля».

Стих не всегда гладкий. В некоторых стихотворениях почти нет рифмы, но образы ярки, чувствуется настроение.

Осень.

Мрачная осень подходит,
Осыпаются листья с дерев.
По утрам, словно саваном серым,
Одета природа.
Дни становятся уже короче.
Надвигаются тучи кругом,
Целый день моросит мелкий дождичек,
На дворе все серо от дождя.
И на сердце становится грустно
От скучной картины такой (дев. 12 л.).

Мальчики преимущественно пишут рассказы, басни. Стихотворения их рисуют художественные типы. В одном из стих. — «В театре» — автор рисует образ невежественного чвана. Он превосходно одет, смотрит на всех так, как будто они

«Не должны быть здесь,
А между прочим сам он
Не разбирается ни в чем».

В баснях, рассказах, пьесах дети пытаются творить художественные типы людей, явлений общественной жизни, бытовые картинки. Примером такого рода произведений являются: басня «Два потомства», рассказ «Накануне Рождества», пьесы «За грибами» и «Именины». В басне «Два потомства» автор пытается осмеять расхваставшихся курченка и уточки, могущим произойти от них потомством.

Курченка говорит: «Вот тут от моего
Яичка десятки кур на свет произойдут». —
—А уточка в ответ: «От твоего
Яичка проку нет. Вот погляди
От моего миллионы уток поплывут».

Но в самый разгар спора приходит «толстая хозяйка» и уносит яйца себе на яичницу.

Рассказ «Накануне Рождества» рисует картину существования обитателей петербургских подвалов. Накануне Рождества мать с ребенком сидят без хлеба. А рядом живет богатый человек, у которого «хлеба пудами». Ребенок спрашивает: «Завтра, мама, Рождество?» — «Да», сказала мать, закрыв лицо руками. «Хлеба к завтрашнему дню ведь нет». Хозяин говорит: «Неси деньгу, тогда дам» — Поганец! — возмущается автор. Он тонко вскрывает душевное состояние матери, всю грубость и черствость хозяина. Образ матери живо встает пред вами после фразы: «закрыв лицо руками», как равно хозяина из слов: «неси деньгу, тогда дам». Прием действительно художественные.

Пьеса «За грибами», написанная 11-летней девочкой, дает интересный образчик детского творчества. Это идиллическая картинка из крестьянского быта. Семья — отец, мать, двое детей: девочка 12-ти и мальчик — 9 лет. Хороший денек. Отец предлагает дочке пойти за грибами. Дочка собирается. С ней увязывается маленький брат. В лесу. Много грибов. Нашли змею. Отношения родителей и детей проникнуты задушевностью и простотой.

За грибами.

Пьеса в 2-х действиях.

Действующие лица:

Оля 12 лет. Ее брат **Вася** 9 лет. **Мать** 32 лет. **Отец** 40 лет. Действие происходит в доме крестьянина. Мать возится около печки. Дети читают книжку. Входит отец.

Отец. Эх, какая погода хорошая, грибов, наверное, много в лесу после дождя.

Мать. (отходит к столу и закрывает полотенцем хлеб от мух). Да, наверное, много грибов сейчас (снова уходит к печке).

Отец. Не сходишь ли ты, Оля, за грибами, хороший бы ужин был (садится закуривая трубку).

Оля. Сейчас, тятя, только книжку положу. (Кладет книжку).

Отец. Ну, ты скорее, не копайся.

Оля. Ну, я пошла (идет к двери).

Вася. Постой, Оля, и я с тобой пойду (бежит).

Оля. Ну так пойдем скорее.

Вася. Оля, погоди немножко, дай мне найти свою палку (роется за печкой).

Мать. Смотрите, Оленька, не заблудитесь.

Оля. Ладно, мама, далеко не уйдем.

Вася. Оля, ты меня ждешь?

Оля. Конечно, жду.

Вася (выходит). Ну пойдем.

Вместе (кричат). Прощайте, мы пошли. Занавес.

2-е действие происходит в лесу.

Оля. Вася, далеко не отходи, мама не велела.

Вася. Нет, Оля, я далеко не отошел.

Оля. Так смотри, далеко не отходи, а если отойдешь, то я больше тебя брать с собой не буду.

Вася (вдруг вскрикивает). Ой! Ой! (и бежит к Оле).

Оля (испуганно). Что с тобой, Вася?

Вася. Там змея, да какая (смотрит туда, откуда прибежал).

Оля. Где змея, чего ты болтаешь?

Вася (показывает пальцем). Да вон она, вон.

Оля. Вот глупый-то, да это уж.

Вася (сконфуженно). Ну, а я не знал.

Оля. Ну пойдем дальше, чего остановился (уходит).

Конец.

З. А.

Идиллический колорит пьесы выдержан замечательно. Во всем естественность, простота. Образы лиц обозначены тонкими и нежными штрихами: спокойный любящий отец, заботливая мать, послушная, но, видимо нерасторопная Оля, спохватившийся Вася. Нельзя ничего ни отнять, ни прибавить. Хороши ремарки. Это — психологические штрихи. Они вносят в пьесу много жизни, движения. Автор отличается, несомненно, живым воображением и тонким художественным чутьем: он видит и слышит творимую им жизнь.

ПЕРЕПИСКА С МОСКВОЙ.

Насколько в результате всех видов коллективной жизни (коллектив «Наш дневник», журнал) учащиеся сжились, привыкли считать себя членами единой семьи, что и, оставляя школу, некоторые из них не могут окончательно порвать с ней. Между группой и одним учеником, уехавшим в Москву, завязалась переписка. Она внесла в жизнь группы еще один интересный момент. Письма из другого города стали приносить много интересных знаний для ребят, дали материал для коллективной работы, и еще один из моментов, спаивающих их на почве общих интересов. Они ценны тем, что дают возможность сравнить индивидуальное письмо с коллективным, где субъективный элемент устраняется и, кроме того, они являются характеристикой тех симпатичных товарищеских взаимоотношений, какие установились в результате коллективной жизни группы. Эти симпатичные отношения, чувства дружбы, товарищеской спайки появились не случайно: они развились в атмосфере творчества, коллективного труда и «вольных дней Горняков»!

В заключение я приведу два наиболее характерных и лучших письма

20/VI *Добрый день ребята!* 1923 г.

Все ли живы и здоровы? Учитесь ли? Я живу близь Москвы, в 20 верстах, станция Тарасовская село Черкизова на даче у тетки. Место очень хорошее; дачное... климат прекрасный, но лесов очень мало и так тесно, что сибиряк бы низачто не переселился сюда. Землю нельзя сравнить с вашим черноземом-богатом и каждый кусочек земли держится на учете. Но зато здесь растут столетние дубы, клены, ясени, яблони, у которых настоящие яблоки, сирень голубая и белая, которая очень красива и разные другие. Могу послать вам листочки от каждого написанного дерева. У моей тетки, кроме той дачи, в которой я живу, была еще дача с большой усадьбой, в которой и растут эти столетние дубы. Мой дедушка, когда был жив, находил под этими дубами могилы русских славян, которые поклонялись Перуну. Находил по целым семьям, горшки бывшие наполненные пищей и разные другие вещи. Временами мне бывает так скучно, что не знаю за что и взяться. Часто вспоминаю вольные дни Горняков. Что проходите по истории, русскому, математике, и другим предметам? напишите!.... Меня очень интересует, на какую же ферму вы ходили, где пострадал Лева? Хочу продолжить дневник моей поездки. (Дневник прил.)

В Москве с образованием очень далеко ушли, моих лет (13–14) в шестом, седьмом классе, считая по старинному. Я читаю все кое что, а именно: вчера прочел «Вольные дни Великого Новгорода», историческая повесть Виктора Акса. Тут я вспомнил про вас. Если достанете и прочтете, то узнаете зачем и почему я вас вспомнил. Очень, очень советую ее достать и прочесть. Еще посылаю трамвайный билетик. Сообщите здоровье Коли (ученик одной группы) и всех. Я ничего, очень здоров. У меня есть намеченный план, который будет очень интересен, по обходу Москвы. 1) Посетить Румянцевский музей. 2) Сходить в Политехнический музей. 3) В Зоологический сад. 4) На две выставки и многое другое постараюсь написать обо всем.... Очень большое спасибо за письмо... Ваше письмо я берегу чуть не на запоре. Желаю вам всего хорошего. Досвиданья. (Адрес) Юра. Г. Гибсон.

Коллективный ответ на письмо из Москвы.

5 июля 1923 г.

Здравствууй Юра!

Узнав о получении твоего письма от подруг, мы собрались в школу, чтобы написать тебе ответ. Собралось нас очень мало: мы, Юра, постепенно таем. Люба с Марусей уехали в деревню, Коля болен малярией. Маруся Л. уехала по ягоды, Володя на базаре, Готя домовничает, остались мы четверо, которые и пишем тебе письмо.

Но все-таки постараемся написать тебе все, что тебя интересует. Очень уж понравилось твое письмо, мы его читали, как интересное сочинение.

Только А. П. была огорчена и сказала, что Юра должно быть разучился писать и наделал массу ошибок. Ученые мы окончили двадцатого июня. Все мы перешли в V группу, только Люба с какой-то запятой. А. В. вызвал ее зачем-то в учительскую. Ты спрашиваешь, что мы прошли по предметам: историю давно бросили, учить начали обществоведение, по арифметике прошли и десятичные дроби, по географии часть Сибири, а по естествоведению часть ботаники. По немецкому начали учить третью картину — осень.

Последние два дня мы почти не занимались. Все готовились к выставке всех работ за год. Вывешены были все наши рисунки, аппликации, лепка, карты, фазы луны, журналы, дневник, цветы, словом все, все... Очень интересная у нас была работа переводная (проверочная), Юра, тебе их посылает А. П. Вообще, Юра, нам всем было тяжело уходить из школы. Мы тебе посылаем выписку из дневника за последний день. Если ты хочешь что-нибудь к ней прибавить напиши, на отдельном листке и пришли — мы ее поместим в дневник. Дневник у нас теперь в порядке, мы его сами переплели, а А. И. сделал на нем надпись «Наш дневник». У нас, Юра, есть кое-какие новости в городе, одна из них та, что в городе ходит «обнибус» или дилижанс, право не знаем как называется, словом крытый автомобиль, очень похожий на трамвай (не тебе одному на трамваях ездить), который ходит на вокзал, базар и Закаменку, а другая та, что в Рабочем Дворце теперь драма. А третья — в газете появилась заметка о нашей школе. По листочкам, которые ты прислал, мы старались угадать, от какого дерева: один от груши, а другой от яблони. Верны-ли наши предположения? А твое предположение, что письмо писала Клава неправильно, его писала Катя. Забыли тебе написать, что Алеша уехал совсем из города. Теперь кажется все написали, только про Минку нет. Последнее время она была такая злая, что развалившись в группе на полу, впускала в нее только нас. А теперь стала еще злее и сидит на привязи. Вот все. Пиши нам подробнее о твоих посещениях музеев, зоологического сада, выставок, читая твое письмо мы невольно сказали:

«Какой Юра счастливчик!» Еще забыли описать тебе о нашей прощальной прогулке на пароходике на ту сторону Оби. В этот момент мы были счастливчиками.

Зоя, Маргарита, Клаша, Катя.

Из приведенных писем видно, что дети полюбили школу, что для детей пребывание в школе не было скучной обязанностью, что дети с грустью расставались со школой, и это одно из важных достижений школы. Вторым достижением школы можно считать установление отношений взаимного доверия детей и воспитателей, о других достижениях школы мы говорить здесь не будем.

Школа существовала только семь месяцев, срок небольшой, многого, что намечалось, достичь не удалось, детскую самодеятельность удалось только пробудить, она не могла в такой короткий срок развиваться и получить более яркое выражение в детском творчестве, но пути, нами намеченные, мы считаем правильным и опыт проделанной работы дает нам основание сказать: «побольше веры в творческие силы детей, побольше простора детской самодеятельности и инициативе... Школа должна быть естественным продолжением детской жизни, организованным удовлетворением детских потребностей»... К этому мы и стремились.